

М. И. Туган-Барановский

**Русская фабрика в прошлом
и настоящем**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. И. Туган-Барановский**
Русская фабрика в прошлом и настоящем: Том 1 / М. И. Туган-Барановский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 436 с.

ISBN 978-5-4241-1093-1

ISBN 978-5-4241-1093-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Читатель не найдет в этой книге истории различных отраслей нашей фабрично-заводской промышленности — их возникновения, постепенного роста, изменения техники в производстве и пр. Я не только не гнался за фактической полнотой такого рода, но и вообще не хотел писать фактической истории. О многих фактах, приводимых в каждой книге, так или иначе касающихся нашей промышленности, я совсем не упоминаю; напротив, на других фактах, редко или совсем не приводимых в подобных книгах, я останавливаюсь иногда очень подробно.

Моя задача заключалась в достаточно отчетливом, но без излишних деталей, изображении постепенного изменения внутреннего строя русской фабрики под влиянием изменения общественно-экономической среды. Мне хотелось показать, каким образом первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почве экономических условий петровской России, превратилась в течение XVIII в. в дворянскую фабрику, основанную на принудительном труде; как эта последняя постепенно отмирала в николаевскую эпоху и замещалась новейшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей из кустарной избы; как изменялся в различные эпохи состав фабрикантского класса и складывался класс фабричных рабочих. Я старался обрисовать взаимные отношения крупной и мелкой промышленности в крепостной России, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и в наше время—время господства машины. Признавая, что „не сознание людей определяет их общественное бытие, а это последнее определяет формы их сознания“, я рассматривал фабричное законодательство и господствующие в обществе взгляды и воззрения на вопросы фабричного строя, как выражение данного соотношения общественных сил. Касаясь законодательной деятельности государства, я поставил себе задачей не столько критику тех или иных мероприятий с точки зрения их целесообразности, сколько выяснение действительных причин, вызвавших их к жизни. Вообще эта книга преследует лишь чисто научную цель—объяснения реально существующих фактов.

Такова была моя цель; другой вопрос, насколько она была достигнута. Оговорюсь, во избежание недоразумений, что настоящая книга отнюдь не претендует на изображение развития всей нашей крупной промышленности в ее целом, горнозаводской промышленности я совсем почти не касался; история горных заводов так отлична во многих отношениях от истории фабрики (укажу, хотя бы, на отсутствие серьезной конкуренции кустарной промышленности с горными заводами), что я считал возможным совсем обойти этот вопрос в предлагаемой вниманию читателя книге.

Далее, я ограничил свое исследование собственно Россией и, как общее правило, совсем не затрагивал истории польской промышленности. По очень многим вопросам мне пришлось еще более сузить область исследования: так как моя цель заключалась в выяснении типических черт развития русской фабрики, то я считал себя в праве ограничиться изучением этого развития в центральном промышленном районе России, тем более, что такое ограничение нередко требовалось и свойством материала, которым я располагал.

Наконец, я должен обратить внимание читателя на то, что выпускаемая книга только первый том задуманного мною труда. В этом первом томе я хочу обрисовать в общих чертах историю русской фабрики. Современное состояние фабрики и фабричного рабочего, географическое размещение нашей фабричной промышленности, условия конкуренции фабрики с кустарем (значение связи кустаря с землей), продолжительность работы в разных отраслях труда, работа женщин и детей, экономическое положение современного фабричного рабочего и многое другое — все это должно войти во второй том. Там же я предполагаю теоретически разобрать вопрос о значении фабрики в строе русской жизни вообще и подробно остановиться на вопросе о „судьбах нашего капитализма“. Первый том имеет своим предметом лишь историю, правда, доводимую до самого новейшего времени.

17 марта 1898 г.
С.-Петербург.

ВВЕДЕНИЕ.

Фабрика в XVIII веке.

Важность торгового капитала в экономическом и общественном строе Московской Руси.—Торговый капитализм и петровские фабрики.—Фабриканты из купеческого класса.—Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра.—Невозможность капиталистической фабрики в петровскую эпоху.—Трудность доставлять рабочие руки.—Закрепощение фабричного рабочего.—Последствия этого.—Сокращение привилегий фабрикантов по мере роста дворянского влияния.—Лишение фабрикантов права покупки крестьян к фабрикам.—Изменение сословного состава фабрикантского класса.—Противоположность интересов дворянства и купечества в Екатерининской комиссии.—Враждебное отношение к купцам-фабрикантам дворянства и среднего купечества.—Домогательства купечества.—Отношение к фабрикантам правительства.—Усиление враждебного фабрикантам течения при Екатерине.—Защита дворянством свободы крестьянских промыслов.—Быстрый рост фабричной и кустарной промышленности во 2-ой половине XVIII века.—Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарем в это время.

Один тонкий наблюдатель русской жизни конца XVIII и начала XIX века следующим образом определил коренную особенность русского промышленного строя той эпохи и его основное отличие от западно-европейского: „Небрежность, с которой работают (русские) ремесленники,—говорит он,—отчасти зависит от крайне странного устройства, не наблюдающегося, быть может, в таком же роде, ни в какой другой стране. Русские ремесленники, за исключением больших городов, ничего не принимают на заказ, но все изготовляют для продажи—башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другие предметы одевания, шубы, постели, одеяла, столы, стулья—короче, всевозможные предметы. Все эти вещи ремесленники поставляют за определенную плату купцам, которые их и продают в своих магазинах. Внутри России очень редко можно чтонибудь сделать на заказ; в случае какойнибудь надобности, нужно идти в лавки или магазины, помещающиеся, обыкновенно, в одном месте. Но зато в этих лавках можно купить все, что угодно; и к тому же—на треть дешевле, чем у ремесленников, берущих работу на заказ“¹⁾.

Шторх был, в свое время, лучшим знатоком экономической жизни России и не менее знаком с хозяйственным строем Западной Европы. Поэтому его наблюдение весьма характерно. Очевидно, в организации русского мелкого производства была особенность, не встречавшаяся на Западе и потому бросающаяся в глаза западно-европейцу. Этой особенностью являлась

¹⁾ Heinrich Storch. „Historisch-Statistische Gemälde des Russischen Reichs“. 1799 III, 178—179.

выдающаяся роль в нашем мелком производстве торговца, купца. Я не буду останавливаться на огромном значении торгового капитала как в экономическом, так и в политическом и общественном строе допетровской России. Этот вопрос достаточно разъяснен нашими историками—Соловьевым, Костомаровым, Ключевским и др. Корсаки, в своей превосходной книге „О формах промышленности в Западной Европе и России“, отметил этот факт и дал ему вполне верное объяснение и оценку. При редкости населения и ничтожном количестве городов в Московской Руси, торговец являлся необходимым посредником между производителем (в огромном большинстве случаев деревенским кустарем) и потребителем. Торговец не мог не быть крупной фигурой в общественной и экономической жизни России старого времени. Уже в XVII веке кустарь был в руках торговца, владевшего рынком. Ничего не может быть ошибочнее представления о Московской Руси, как о государстве исключительно сельскохозяйственном, почти не имевшем торговли. Наоборот, всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и вообще склонность русских к торговле¹⁾.

Можно было бы привести сколько угодно цитат из иностранных писателей XVI и XVII веков, выражавших удивление перед энергичной торговой жизнью Москвы. Ограничусь отзывами двух путешественников, сочинения которых являются главным иностранным источником для изучения русской торговли времен Алексея Михайловича—де-Родеса и Кильбургера. Де-Родес, посетивший Москву в 1653 г., пишет: „Достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торг, в чем удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь, от высшего до низшего, только и думают, только и стараются, как бы чем либо нажиться... В этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных вместе взятых“²⁾. То же говорит и Кильбургер: „Все жители Москвы, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; в Москве более лавок, чем в Амстердаме или даже целом ином государстве... Более всего замечательно и похвально в Москве то, что для каждого рода товаров, от самых лучших до худших, есть особые улицы и рынки. Торгующие шелком имеют свои особые ряды, равно как и продающие пряные корни, лак, шапочники, оловянные, медники, скорняки, сапожники и пр.“³⁾.

Крупные торговцы (Гостинная и Суконная сотни и особенно „гости“) являлись одним из самых влиятельных общественных элементов Московской Руси. Особенно усилилось политическое значение представителей крупного торгового капитала в эпоху Алексея Михайловича. „Новоторговый Устав“, изданный, как указано в самом Уставе, „по челобитью Московского госу-

¹⁾ Об этом подробно говорит Костомаров: „По свидетельству иностранцев, русские чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшие у нас посланцы, удивлялись, что в России все важные лица без изъятия... занимаются торговлей“. Костомаров. „Очерки торговли Московского государства“ СПб. 1862 г., стр. 136.

²⁾ Де-Родес. „Размышления о русской торговле в 1653 г.“. Пер. И. Бабста. „Магазин земледелия и путешествий“, т. V, 1858 г., стр. 234.

³⁾ И. Ф. Кильбургер. „Краткое известие о русской торговле“. Пер. Языкова. Спб. 1820 г. стр. 10, 188.

дарства гостей и гостининых сотен и черных слобод торговых людей“¹⁾, был ярким выражением влияния купеческого капитала на законодательную деятельность Московского государства.

Гости были весьма крупными капиталистами для своего времени. По словам Котошихина, торговые обороты гостей достигали от 20—100 тысяч рублей в год²⁾. Если принять в соображение ценность денег тогда и теперь, то эти обороты следует признать миллионными; отсюда можно заключить о степени концентрации торгового капитала в Москве задолго до петровской эпохи. Каким экономическим и политическим влиянием пользовались гости, можно судить по следующей характеристике их, данной современником: „Гости неограниченно управляют торговлей во всем государстве. Это корыстолюбивое и вредное сословие... Во всех больших городах определяют они по одному, по два и по три человека из живущих там лучших купцов, которым под видом царских факторов, дают привилегии гостей. По корыстолюбию своему стесняют они везде, большей частью, торговлю. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо, почему и говорят дурно о гостях. В случае какого возмущения, опасаться надобно, чтобы народ не сломил шею всем гостям... Они беспрестанно стараются... чтобы им только одним быть господами и набивать свои карманы“³⁾.

Итак, в торговле крупный капитал играл очень большую роль уже в Московской Руси. Напротив, в промышленности неограниченно царило мелкое производство. Если не считать некоторых единичных попыток устройства фабрик и заводов в XVI и XVII веке иностранцами и изредка богатыми боярами при поддержке правительства, то можно сказать, что допетровская Русь совсем не знала фабричного производства. Торговый капитализм у нас, как и в других странах, предшествовал промышленному капитализму.

Наш старинный капиталистический класс—купечество—не обнаруживал никакой наклонности захватить в свои руки производство. Купец предпочитал скупать, владея рынком, продукты труда мелкого производителя и держать последнего в полной зависимости от себя, не обращая его в наемного рабочего. И эта характерная особенность допетровского капитализма ярко выразилась в том, что московское купечество в XVI и XVII веке упорно добивалось возможно более широкой свободы привоза иностранных товаров. „Новоторговый Устав“ проникнут духом свободной торговли. Капиталист-торговец не стремился сделаться промышленником и предпочитал свободно покупать товар на самом дешевом рынке.

При Петре, при непосредственном участии правительства, в России возникает крупное производство. У нас любят говорить об „искусственном“ происхождении нашей фабричной промышленности. По мнению Корсака, самым естественным в положении Петра была „организация тех местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых и прежде имели довольно обширный сбыт. Те же ссуды, те же жертвы правительства, кото-

¹⁾ П. С. З. I. собр., т. I. 408.

²⁾ „О России в царствование Алексея Михайловича“, соч. Григория Котошихина. Изд. 3. Спб. 1884 г., стр. 157.

³⁾ Кильбургер, 156. Так же отзывается о гостях и де-Родес, 248.

рые оно делало для обогащения отдельных лиц... оно могло бы обратить на целые села, деревни и города... Вместо того, чтобы простых ремесленников.., делать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сделать их самих фабричными предпринимателями... — и вместо того, чтобы строить на счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, не лучше ли было бы отдавать их целым местностям, которые были заняты тем же промыслом; следовало бы обратиться к живым народным силам и им дать возможность к дальнейшему развитию, а не давить их монополиями... Искусственно воздвигнутые фабрики не находили рабочих... Новая форма промышленности была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни¹⁾.

Эта мысль—что Петр направил развитие нашей промышленности по ложному пути, придал ей „искусственный“ характер насаждением крупного производства—стала общим местом в нашей литературе. Обыкновенно история русской промышленности изображается в следующем виде. До Петра у нас господствовало мелкое производство, и не было элементов для капиталистического хозяйства. Со времени Петра правительство, жертвуя интересами мелкой промышленности, „искусственными“ мерами насаждает у нас капитализм, всячески поддерживая и поощряя капиталистические предприятия, хотя они и не соответствуют нашим экономическим условиям. Если бы правительство держалось иной торгово-промышленной политики, то и результаты нашего экономического развития были бы совершенно иные, к выгоде огромного большинства нашего народа. На Петра падает вина первого шага по тому гибельному пути, которым с тех пор неизменно шествует русское правительство, поощряя капитализм.

Итак, одним из главных пунктов обвинения против нашего капитализма является его „искусственность“. После Корсака аргумент этот повторялся сотни раз (об „искусственности“ нашего капитализма говорит, между прочим, и г. Милюков в своих „Очерках по истории русской культуры“), но от этого он отнюдь не сделался сильнее. Однако, его неизменно выдвигают при всяком удобном и неудобном случае: очевидно, на кого-то он действует, кому-то кажется убедительным.

Разберем же смысл этого аргумента. Противоположение естественного порядка искусственному ведет свое начало в экономических построениях с XVIII века, от физиократов. Физиократы верили, что существует естественный порядок вещей, совершенный во всех отношениях; этот естественный порядок будет достигнут, когда государство откажется от руководства частной жизнью граждан и предоставит им полную свободу в частной деятельности. Отсюда знаменитая формула: „laissez faire, laissez passer“. Буржуазная экономическая наука первой половины нашего века, отстаивавшая формулу „laissez faire“, часто рассуждала об „искусственности“ и „естественности“. Все эти рассуждения прикрывали собою стремление освободить капитализм от средневековых уз, стеснявших его развитие. Защитники „естественности“ были вместе с тем горячими сторонниками капитализма, его апологетами и дифирамбистами. Об этих господах Маркс заметил очень

¹⁾ Корсак. „О формах промышленности“. Москва, 1861 г., стр. 128, 129.

метко и справедливо: „Экономисты рассуждают весьма своеобразно. У них есть два рода учреждений—искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии—естественные... Когда экономисты говорят, что существующие отношения—отношения буржуазного производства—естественны, то этим они дают понять, что это такие отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершается согласно естественным законам. Эти отношения, по их мнению, суть независимые от влияния времени законы природы. Это—вечные законы, которые всегда будут управлять обществом. Иными словами, раньше была история, теперь же ее нет“.

У нас, благодаря иной общественной обстановке, о „естественности“ и „искусственности“ разговаривают не друзья, а именно „враги“ капитализма. Для наших самобытных экономистов, так же, как для экономистов Запада, есть два рода учреждений—естественные и искусственные. Естественные учреждения—это остатки нашего *ancien régime*—община, артель, кустарные промыслы; искусственные учреждения—категории буржуазного строя, капитализм. Роли переменялись. То, что отсталые экономисты Запада называли искусственным, отсталые экономисты Востока называют естественным, и обратно.

И те, и другие одинаково неправы. Отношения капиталистического производства столь же естественны, как и отношения крепостного производства; отношения капиталистического производства столь же искусственны, как и крепостные отношения производства.

Все дело в том, что отсталые экономисты не могут понять очень простой вещи: разделение общественных учреждений на естественные и искусственные равно ничего не выражает, и спор об „естественности“ и „искусственности“ есть спор совершенно праздный. На Западе, впрочем, это уже давно поняли и таких экономистов, о каких говорит Маркс, там больше не существует. А вот у нас никак понять не могут...

К сожалению, приходится признать, что наша экономическая наука в некоторых отношениях пошла назад со времени Чернышевского. Его ученики умели только повторять слова учителя, ничему новому не научились и очень многое из старого успели основательнейшим образом забыть. Забыта, между прочим, и превосходная статья Чернышевского в „Современнике“ за 1860 год—„Капитал и труд“. В этой статье современные отсталые экономисты могли бы найти для себя много поучительного.

Статья посвящена доказательству нелепости разделения общественных явлений на естественные и искусственные. „Почитатель Бастия. — говорит Чернышевский, — который особенно много разыгрывал вариаций на слово „искусственность“, г. Горлов, забыл, что искусственным образом не производится в общественной жизни равно ничего, а все создается естественным образом. Дело не в том, чтобы сказать: „это естественно“, а в том, чтобы разобрать, ко вреду или пользе общества это служит. Ведь и протекционная система—явление совершенно естественное в известных обстоятельствах... Обыкновенно называют естественным экономическим порядком такой, который входит в общество сам собою, незаметно, без помощи законодательной власти

и держится точно так же. Определение прекрасное — только жаль, что ни одно важное экономическое учреждение не подходит под него. Например, введение свободной торговли вместо протекционной системы, конечно, представляет, по мнению всех отсталых экономистов, возвращение к естественному порядку от искусственного. Каким же образом оно происходит? И Чернышевский доказывает, что для этого требуется вмешательство государственной власти, т.-е. что это есть явление искусственное.

Спрашивается, далеко ли ушли отсталые экономисты нашего времени (ученики Чернышевского) от отсталых экономистов 60-х годов? И не обнаружили ли ученики самого постыдного забвения слов учителя?

Когда экономист 60-х годов Горлов защищал естественный порядок, — это имело смысл. Взгляды Горлова опирались на своеобразное теологически-натуралистическое мировоззрение, унаследованное от XVIII века. По словам Горлова, „естественные законы установлены тою же великою силою, которая управляет целым миром; следовательно, по натуре своей они не могут быть бедственными и разрушительны, и рассмотрение их всегда может сделаться достойным предметом весьма важной науки“. Но для тех, кто не верит в провиденциальный смысл формулы *laissez faire*, решительно непонятно почему „естественные учреждения“ предпочтительнее „искусственных“.

В чем же заключается смысл глубокомысленных рассуждений об искусственном происхождении нашего капитализма? Не подлежит ни малейшему сомнению, что без деятельной поддержки правительства наша промышленность не могла бы развиваться. Но разве это доказывает, что в России капиталистическое производство встречало менее благоприятные условия для своего развития, чем в других странах? Повидимому, в этом и заключается сила рассматриваемого аргумента. На Западе капитализм развивался „естественно“, сам собою, у нас же он — чужеземное растение, отвергаемое русской почвой и поддерживаемое лишь „искусственными“ мерами правительства. Так, повидимому, думают наши отсталые экономисты.

Они забывают при этом самую малость: то, что не существует ни одной страны в мире, на Западе или на Востоке — все равно — где капитализм развивался бы без деятельной поддержки правительства. С этой точки зрения капитализм развивался „искусственно“ повсюду, где он процветает — в Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах и т. д. Остается одно из двух: или признать, что капитализм во всем мире есть явление „искусственное“, или оставить праздный разговор об искусственности и естественности. Впрочем, иные из наших „врагов капитализма“ не отступят перед первой альтернативой. Утверждал же г. Л. Оболенский несколько лет тому назад, что вообще капитализм в мировой истории есть нечто вроде несчастной случайности. Впрочем, с г. Оболенского и требовать нечего...

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства. До Петра у нас почти не существовало крупных промышленных предприятий, а после него насчитывалось уже 233 казенных и частных фабрик и заводов ¹⁾. Как

¹⁾ Кириллов. „Цветущее состояние Всероссийского государства“. 1831 г. II, 133.

я говорил, несмотря на развитие торговли в Московском государстве, производство в допетровской Руси оставалось мелким. Мелкий производитель был в полной зависимости от торговца, но торговец отнюдь не обнаруживал наклонности делаться самостоятельным предпринимателем и обращать своего поставщика-кустара в наемного рабочего, работающего в мастерской хозяина. Превращение кустарного производства в фабричное было невозможно по той простой причине, что, при примитивности техники производства, грубости и дешевизне изготавливаемых изделий, мелкое производство оказывалось более выгодным. Кильбургер говорит, что крупные железные заводы, устроенные в Московском государстве иностранцами, не могли конкурировать с кустарями в выделке гвоздей и других железных изделий ¹⁾. Что же касается до тех товаров, которые не выделялись кустарями, как напр., тонкие сукна, полотна, шелковые материи, и пр., то устройству для изготовления их особых заведений препятствовали две причины: отсутствие подготовленных, искусных рабочих и трудность сбыта таких товаров, так как иностранные товары ввозились с небольшой пошлиной и по своим достоинствам стояли вне туземной конкуренции. Поэтому в Московской Руси, несмотря на развитие торговли, промышленность имела примитивный характер и сохранила бы его еще долгое время, если бы на сцену не выступил новый фактор—государство.

Известны энергичные усилия Петра завести в России фабричное производство, известны и средства, которые употреблял Петр для этой цели. Те заводы и фабрики, которые Петр признавал особенно нужными—горные и оружейные заводы, суконные, полотняные и парусные фабрики—устраивались самой казной и затем передавались частным лицам. В других случаях казна ссужала значительные капиталы без процентов, снабжала инструментами и рабочими частных лиц, устраивавших фабрики на свой собственный страх и риск; из-за границы выписывались искусные мастера, фабриканты получали значительные привилегии: как они сами, так и их дети и мастера освобождались от всякой государственной службы, были подсудны особому суду, избавлялись на некоторое время от податей и внутренних пошлин, получали право беспошлинного привоза из-за границы нужных им инструментов и материалов, дома их освобождались от постоя и пр.

Сбыт изготовленных изделий обеспечивался, главным образом, приобретением их казной. Самые крупные заводы и фабрики—оружейные, пущечные литейные заводы, суконные, паруснополотняные, писчебумажные фабрики—поставляли свои изделия исключительно или главным образом в казну. В тех случаях, когда товар не требовался казной, сбыт фабричных изделий обеспечивался высокой привозной пошлиной, а иногда прямым запрещением ввоза иностранных товаров того же рода или даже монополией производства, предоставленной отдельным фабрикантам. Так, компания подкалщера Шафирова и Толстого получила в 1717 г. полную монополию изготовления шелковых материй, бархата, парчей, штофов и пр. ²⁾. В 1718 г. был запрещен ввоз из-за границы каразеи (род шерстяной материи). Тарифом 1724 г. все

¹⁾ Кильбургер, 169.

²⁾ П. С. З., т. V, 3089, 3162.

товары, производство которых в России к этому времени достигло уже значительного развития, были обложены высокой пошлиной, в 50—75% своей ценности. Этой пошлиной, напр., были обложены скатерти, салфетки, полотна, парусина, шелковые ткани, иглы, железо не в деле; писчая бумага, кожаный товар, чулки, шерстяные ткани (кроме сукна) обложены были более умеренной покровительственной пошлиной в 25%.

Из числа фабрик и заводов, возникших при Петре, были и очень крупные. Казенные горные заводы в особенности отличались огромными размерами. Об этом можно судить по тому, что к 9 пермским заводам было приписано 25 тысяч крестьян мужского пола. На Сестрорецком оружейном заводе работало 683 человека. К казенному оружейному заводу в Туле было приписано 508 крестьянских дворов. На казенной парусной фабрике в Москве было 1162 рабочих ¹⁾. По и на частных фабриках производство велось в крупных размерах. На московской суконной фабрике компанейщиков купеческих людей Щеголина „с товарищи“ в 1729 г. работало 730 рабочих на 130 станах; на казанской суконной фабрике Микляева работало 742 человека; московская полотняная фабрика Тамеса с компанией имела 443 стана и 841 раб.; ярославская фабрика Тамеса и Затрапезного—172 стана и 180 раб.; на московской ленточной и позументной фабрике Милюткина было 280 раб. ²⁾; на шелковых мануфактурах компании Евреинова в 1728 г. работало до 1500 мужчин и женщин ³⁾.

Таким образом, Петру, несомненно, удалось вызвать у нас крупное производство. Но следует ли отсюда, что случайные личные воззрения Петра и его преемников играли решающую роль в истории нашей промышленности? Можно ли согласиться с Корсаком, что Петр мог выбрать другой путь—покровительства кустарной промышленности, и тогда наше экономическое развитие пошло бы совершенно иначе?

Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить об экономическом положении России до Петра. В допетровской Руси не существовало промышленного капитализма, но был вполне развит торговый капитализм. Концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в допетровской Руси, была вызвана не правительственными мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли перед мелкой. *Этот-то торговый капитал и явился базисом, на котором основалось крупное производство в эпоху Петра.*

Чтобы убедиться, в этом, достаточно обратиться к именным спискам петровских фабрикантов. Нередко думают, что петровские фабрики устранились, главным образом, иностранцами ⁴⁾.

¹⁾ Кириллов, „Цветущее состояние Всероссийского государства“. I, стр. 22, 95.

²⁾ Все эти данные взяты из „Ведомости о фабриках и мануфактурах“ 1729 г. Дела комиссии о коммерции, № 502. Арх. д-та там. сб.

³⁾ Чулков, „Историческое описание российской коммерции“, т. VI, кн. III, стр. 221, Шторх говорит, что на некоторых петровских фабриках работало до 3 тыс. рабочих (Historisch-Statistische Gemälde, III, 32). Это может быть верно только по отношению к казенным горным заводам; частные фабрики не достигали таких размеров.

⁴⁾ Это говорил, напр., В. Лешков, „Русский народ и государство“. 1858 г. 373.